Егорова А. В., Копосов Д. Р.

К ПРОБЛЕМЕ ДЕРИВАЦИОННЫХ СХЕМ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/31.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 72-74. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

(4) И она [Надежда Федоровна] вошла в дом. Марья Константиновна *усадила* ее, *дала* кофе, *накормила* сдобными булками, потом *показала* ей фотографии своих бывших воспитанниц - барышень Гаратынских, которые уже повыходили замуж, *показала* также экзаменационные отметки Кати и Кости; отметки были очень хорошие, но чтобы они показались еще лучше, она со вздохом *пожаловалась* на то, как трудно теперь учиться в гимназии…(А. П. Чехов. Дуэль, 237).

В данном макроконтексте представлено сложноорганизованное событие E, состоящее из нескольких взаимно последовательных действий / фактов F: F1 '*усадила*', F2 '*дала* кофе', F3 '*накормила*', F4 '*показала* фотографии', F5 '*показала* отметки', F6 '*пожаловалась*' в форме прошедшего времени СВ. Все указанные действия находятся относительно друг друга в отношении следования. Вместе с тем, сложноорганизованное событие E (E = F1 + F2 + F3 + F4 + F5 + F6) имеет в качестве эксплицитно выраженной вспомогательной референциальной точки отсчета 'она вошла в дом', представленной в предтексте, относительно которой событие E выражает тонкальное следование.

Таким образом, системное значение аориста в русском языке состоит в обозначении целого, нерасчлененного действия в прошлом. В качестве основной временной характеристики аориста принимается выражение тонкального предшествования, которое выявляется при анализе зафразового контекста, содержащего референциальную точку. Функционируя в повествовательной рамке макроконтекста, действия в аористе образуют сложноорганизованное событие E и находятся друг с другом в отношениях предшествование / одновременность / следование в зависимости от соотнесенности с различными точками отсчета.

Список использованной литературы

1. Аорист: Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 37.

2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола: (значение и употребление) / А. В. Бондарко. - М.: Просвещение, 1971. - 239 с.

3. Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. - М.: Наука, 1965. - 555 с.

4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов / В. В. Виноградов. - М.: Высшая школа, 1986. - 640 с.

5. Русская грамматика: в 2-х тт. - М.: Наука, 1980. - Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. - 783 с.

6. Тургенев И. С. Вешние воды / И. С. Тургенев. - М.: Русская книга, 1994. - Т. 3: Повести и рассказы 1869-1883 годов. - С. 119-242.

7. Тургенев И. С. Стук… Стук… Стук!.. / И. С. Тургенев. - М.: Русская книга, 1994. - Т. 3: Повести и рассказы 1869-1883 годов. - С. 93-118.

8. Чехов А. П. Дуэль / А. П. Чехов. - М.: АО «Векта», 1994. - Т. 2: Рассказы, повести. - С. 210-308.

К ПРОБЛЕМЕ ДЕРИВАЦИОННЫХ СХЕМ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Егорова А. В., Копосов Д. Р.
Казанский государственный университет

Детская речь - часть онтогенетического развития языка. Первые исследования речи ребёнка появились в XIX веке, но эта тема актуальна и по сей день. В наше время продолжается как собственно лингвистическое изучение дефектов речи ребёнка, так и исследование феномена детской речи в психолингвистике, которая рассматривает изучаемую проблему с позиций речемыслительной деятельности. Термин онтолингвистика появился относительно недавно, но уже получил широкое распространение. В настоящее время перед лингвистами встает вопрос: представляет ли онтолингвистика собой лишь проекцию уже сложившихся на «взрослом» материале концепций на речь детей, или же она может претендовать на то, чтобы именоваться самостоятельной научной дисциплиной, предполагающей какие-то собственные теоретические подходы и многое другое. Дэвид Ингрем пишет, что наука эта имеет свой объект - речь ребёнка, но всё же не имеет предмета так такового. Таким образом - если считать «речь ребёнка» лишь отвлечением традиционной лингвистики на «нетрадиционный», детский материал, - следует говорить не о новой науке, а лишь о расширении объекта изучения. Тем не менее, даже в таком случае традиционная лингвистика получает целую новую отрасль или подраздел, который требует названия.

Важно подчеркнуть, что предметом онтолингвистики являются не только особенности детской речи, но и сам процесс приобретения ребёнком языка, а значит, как научная отрасль или подраздел науки эта дисциплина вынуждена совмещать современный (синхронический) и исторический (диахронический) подходы к фактам речи. Считается, что в онтогенезе в общих чертах проявляются, особенно на ранних стадиях, черты филогенеза, и материалы детской речи предоставляют возможности для выхода на проблему происхождения языка.

Первыми о важности изучения детской речевой инновации в России заговорили представители Казанской лингвистической школы. Так, в частности, И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что ребёнок не владеет логическим аппаратом, но обладает механизмом допонятийных обобщений.

По А. Н. Гвоздёву: «Привлечение данных детского языка может оказать значительные услуги в изучении русского языка. Во-первых, они дают очень яркие подтверждения выводов, сделанных на основании других

методов исследования, а во-вторых, позволяют сделать и такие выводы, которые невозможно обосновать при помощи других методов».

Таким образом, отдельные особенности детской речи уже определены и сформулированы в науке. Это, например, и большее число (по сравнению с взрослой речью) звукоподражательных и изобразительных слов, и образование нерегулярных форм по регулярным моделям, и диффузность при употреблении лексем и так далее. Эти особенности так или иначе, как и всякий современный языковой материал, соотносятся с материалом исторической лингвистики, отражая и отдельные аномальные с точки зрения современной языковой нормы, но при этом объяснимые и оправданные с точки зрения диахронии явления.

Наиболее богатым девиационным материалом в детской речи оперирует грамматическая и словообразовательная деривация. Известный параллелизм между системами формо- и словообразования позволяет в данной работе и в принципе рассматривать эти деривационные механизмы в соотнесении друг с другом (см. [1], [6], [2]), так что мы не считаем необходимым специально, «формально» разграничивать их в композиции статьи. Материал наблюдений, приводящихся в данной работе, иллюстрирует деривационные механизмы и явления в пределах именного склонения, коррелирующие с некоторыми словообразовательными процессами в системе имени.

Так, для именного склонения можно отметить следующие девиации в «детском» формообразовании.

1. Передвижка места ударения. В литературной норме существует тенденция к противопоставлению форм единственного и множественного числа имен существительных за счет передвижки ударения с основы (единственное число) на окончание (множественное), ср. *стОл - столЫ, гОрод - городА* и так далее. Отметим, что на этот процесс накладывается множество ограничений, самым важным из которых, по мнению ученых, является производный характер слова [5]. Так, новообразованные слова типа *переход, запас* и так далее, в силу своей мотивированности, имеют фиксированное на корневом гласном ударение и образуют формы множественного числа с безударным окочанием *-ы* (*перехОды, запАсы*). В речи детей это ограничение может «не учитываться», если основная модель (с передвижкой ударения) освоена раньше и число непроизводных слов в лексиконе ребенка превышает число производных либо если противопоставление мотивированных и немотивированных лексем еще не осознается. В таком случае ребенок использует формы множественного числа с ударением на окончании даже для многосложных производных слов: *запасЫ, мультикИ, родителИ…* - хотя завершается этот «девиационный период» достаточно быстро. Так, в отслеживаемых нами случаях (2 девочки и 4 мальчика в возрасте от 2 до 3,5 лет) все дети только во время контролируемых моментов общения (до 1 часа в день с фиксацией речи на цифровой диктофон или под запись с регулярностью в неделю) минимум по два раза образовали описываемые девиантные формы с ударенной флексией *-ы*, причем в трех случаях единожды употребленная девиантная форма к следующим «сеансам» общения уже обычно «выравнивалась» по литературной норме, но возникала другая с тем же отклонением (например, Богдан, 2 года 11 мес. - *А в домике у ней хлебЫ, грибы, другие запасЫ*. - о белочке и затем в 2 года 11 мес. и 2 недели - *Грызет грибы, я ей сделал запАсы* - но: *Лиза, вот, тебе принес чайникИ, стаканЫ, играй…*; Алиса, 3,5 года - *Включите мультикИ!* - но, в 3 года 7 мес. - *мУльтики смотрела. На ёлке игрушки, шары… Вон те шарикИ…*). По контекстам видно, что образование формы с ударенным окончанием может быть вызвано совмещением ее с «нормированными» единицами аналогичного акцентного типа (*грибЫ* и так далее). В целом наличие подобных форм в детской речи является редким, окказиональным явлением, поскольку в истории системы языка словообразовательная мотивированность оказывается более «мощным» фактором, чем акцентная противопоставленность числовых парадигм. Как уже было сказано, респонденты, употребив девиантную форму, почти немедленно «выправляются», что естественно, поскольку ни в речи родителей, ни в каком другом источнике подтверждения для подобной деривационной модели (от производных, мотивированных лексем) не находят.

Участие в противостоянии названной тенденции заимствованных слов и непонимание ребенком их особого статуса приводит аналогичным образом к подвижке ударения на окончание в формах множественного типа *тортЫ, флюгерЫ*.

Стремлением ребенка обобщить ВСЕ формы множественного числа ударением на флексии, объясняются девиантные формы типа *оленЯ, медведЯ, родителЯ, соседЯ* и так далее. В этом случае в сознании ребенка срабатывает ассоциация, связанная с распространением ударенного окончания -А в именительном множественного существительных мужского рода (по аналогии с *городА, лугА*). По нашим наблюдениям таких отклонений существенно больше, чем описанных выше. Объяснить это можно, наверное, тем, что распространение ударенного флективного -А является живой, активной тенденцией для указанной формы существительных, во-первых, а во-вторых - возникает общность флективного гласного для всех существительных второго склонения (мужского - *городА* - и среднего - *полЯ* - рода) [5: 123-129]. Наиболее интересны, по нашему мнению, примеры образования форм на ударенное -А для одушевленных имен. Известно, что в этом лексико-семантическом классе категорически не поддерживают тенденцию к распространению ударенного флективного -А производные суффиксальные имена (за исключением лексемы *учитель* мы не знаем, например, производных с суффиксом -тель, отражающих данную тенденцию, а само названное исключение объясняется специфической актуальностью для слова *учитель - учителЯ* его словообразовательной семантики как nomina agentis, за счет чего последнее сближается с лексемами типа *мастер - мастерА, профессор - профессорА* и так далее, то есть включается в лексико-семантическую группу номинаций лица по профессиональной принадлежности). В детской же речи, по нашим наблюдениям, возможно расширение тенденции,

охватывающей здесь как отдельные формы на -тель (*родителЯ, воспитателЯ*), так и отдельные существительные, называющие животных (примеры см. выше) и даже слово *сосед*. Контроль изменений формоупотребления во времени (с интервалом от месяца до полугода) показывает следующее: хотя все девиантные образования устраняются из речи ребенка в течение указанного периода времени, дольше других «удерживают флексию -А» названия животных, а слабее всего сохраняется и раньше других исчезает из активного формоупотребления форма *соседЯ*. Небольшое количество примеров не позволяет делать однозначных выводов, но в качестве перспективы для дальнейшей работы мы бы предложили следующую гипотезу: ударенное -А в детской речи характеризуется той же «привязанностью» к лексико-семантическому классу либо словообразовательной «прозрачности», что и в литературном языке, его распространение возникает как следствие лексико-семантической либо словообразовательной мотивированности и затем ослабевает по мере освоения ребенком лексемы и уменьшения актуальности названной мотивированности. Таким образом, мы видим, что в детской речи действует тот же механизм, что и в литературном языке: «только обобщившиеся в категориальные формы явления языка подводят к моменту кодификации по данному признаку, то есть к установлению нормы как акта познанной системы» [4: 296].

2. Родовой параллелизм для отдельных лексем. Это явление, известное науке как исторический феномен, имевший место уже в древнерусском языке и в качестве отдельных реликтов сохраняющийся в языке современном (*проток - протока, зал - зала*), в детской речи может (особенно в возрасте от 2-х до 3-х лет) получить весьма широкое распространение. Интуитивное соотнесение грамматического рода с биологическим полом живого существа порождает в речи ребенка такие девиации, как *синиц, белуг, лисиц* (Лиза, 2 года 5 мес. - А где её *синиц*? 3 года 2 мес. - Папа, не реви как *белуг*, я все слышу.; Алиса, 3,5 года - А её (лисицу - Е.А.) *лисиц* дома ждёт?) и так далее - когда название вида живых существ либо словообразовательно производного названия самки воспринимается как конкретное обозначение существа женского пола на основании грамматической общности (окончание -А ассоциируется с женским полом). Можно предположить, хотя подобных примеров мы не имеем, что новообразования «по мужскому полу» при словоизменении войдут во второе именное склонение.

Также предположительно возможен и обратный процесс - развитие параллельных образований женского рода «от» слов мужского рода. Поскольку собственных примеров этого процесса мы не имеем, нам остается сослаться на некоторые из упомянутых в начале статьи работ, в частности, такие единицы фиксируются в книге К.Чуковского и в статьях по предмету (в том числе и нерегулярные словообразовательно единицы, такие как *торговищица* - по аналогии с *продавщица*, *кассирка, кассирщица* - от *кассир* и так далее).

3. Унификация отдельных падежных окончаний. В частности речь идет об окончании родительного падежа множественного числа для существительных мужского рода либо по твердому типу на -ОВ (*соседов, друзьёв, сыновьёв*), причем в процесс включаются и имена женского рода (*книжков, постелев, мухов*), либо по мягкому типу на -ЕЙ (*огурцей, столей*). В этом, втором случае участие в аналогическом процессе имен женского рода нами не зафиксировано, но отмечается, видимо на основе фонетического сходства конца слова, появление форм родительного множественного типа *воробей* (вместо *воробьев*), *клей* (вместо *клеев*: Смотри, папа, сколько там *клей*! Я хочу один такой *клей*.) с нулевым окончанием. Последнее явление также может быть связано со словообразовательной непроизводностью с современной точки зрения лексем *огурец, стол* - с одной стороны, и *воробей, клей* - с другой.

Перечень примеров можно продолжить даже за счет отдельных падежных форм, допускающих подобные унификации окончаний. Помимо этого можно говорить о продолжающейся в детской речи унификации системы склонений, в литературной норме условно «застывших» в своем развитии. Здесь, в первую очередь, показательны будут девиантные формы разносклоняемых существительных на -МЯ, которые детьми изменяются по второму склонению (по аналогии с именами среднего рода: *время, времю, времем* как *поля, полю, полем* в родительном, дательном и творительном падежах), девиантные формы разносклоняемого существительного *путь*, вызванные аналогией со стороны второго склонения (по типу словоизменения *гость, день*) и так далее.

Таким образом, видим, что хотя сами по себе примеры отклонений от грамматической нормы в речи детей и представляют собой «ошибки», но выстраиваются эти «ошибки» в достаточно понятные с точки зрения истории системы аналогические последовательности. То есть, проще говоря, освоение грамматических форм у ребенка основывается на моделировании доступных, известных аналогий существующей системы и отражает развитие интеллекта.

Список использованной литературы

1. **Балалыкина Э. А., Николаев Г. А.** Русское словообразование / Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев. - Казань: Изд-во КГУ, 1985. - 184 с.
2. **Гвоздев А. Н.** Значение изучения фактов детской речи для лингвистов / А. Н. Гвоздев. - www.philology.ru / linguistics1.
3. **Журавлев В. К.** Диахроническая морфология / В. К. Журавлев. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 208 с.
4. **Колесов В. В.** История русского языка / В. В. Колесов. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. - 672 с.
5. **Марков В. М.** Историческая грамматика русского языка: именное склонение / В. М. Марков. - Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. - 145 с.
6. **Марков В. М.** Происхождение номинативных форм типа лесá, городá // Studia Rossica posnanientis. - Poznań, 1971. - Т. 2. - С. 56-68.